Ианнуарий (Недачин), архимандрит

ПРОТОПРЕСВИТЕР МИХАИЛ ПОЛЬСКИЙ – ИСПОВЕДНИК И СВИДЕТЕЛЬ МУЧЕНИЧЕСКОГО И ИСПОВЕДНИЧЕСКОГО ПОДВИГА ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА НА СОЛОВКАХ

«21 мая скончался в Сан-Франциско исключительно выдающийся пастырь Русской Зарубежной Церкви, замечательный церковно-политический деятель, высокоталантливый духовный писатель и прекрасной души человек, протопресвитер отец Михаил Польский», — сообщила в 1960 г. русская зарубежная печать о смерти человека, бывшего за пределами советского государства, наверное, самым известным православным священнослужителем, который, пройдя тюрьмы, лагеря и ссылки, смог покинуть пределы СССР и рассказать миру о том, каким гонениям подвергаются там и какой совершают подвиг тысячи православных пастырей и мирян[1].

Собранные и опубликованные им два тома материалов «Новые мученики Российские»[2] являлись до времени крушения советского строя самым полным и авторитетным источником сведений о мучениках и исповедниках Русской Церкви XX века, из которого черпали бесценный духовный опыт несколько поколений верующих на Родине и за рубежом. Одно из самых ярких мест книги — описание пребывания отца Михаила Польского в Соловецком лагере особого назначения и о его встречах с замечательными православными пастырями, находившимися на Соловках в заключении.

Михаил Афанасьевич Польский родился 6 ноября 1891 г. в станице Новотроицкой Кубанской области в семье псаломщика, его деды и прадеды были служителями Церкви, родственники по материнской линии — военными. В 1914 г. он закончил Ставропольскую духовную семинарию, и уже на Кубани проявились его миссионерские дарования: молодого выпускника назначают противосектантским миссионером. В 1916 г. его призывают в действующую армию, 4 месяца он обучается в военном училище в Тифлисе и затем до Февральской

[1] Андреевский И. М. Светлой памяти друга и соузника по Соловецкому концлагерю протопресвитера о. Михаила Польского // Православная Русь. 1960. № 11. С. 4.

[2] Новые мученики Российские: Первое собр. материалов / сост. прот. М. Польский. Джорданвилль, 1949; То же: 2 том собр. материалов. Джорданвилль, 1957.

революции 1917 г. в чине поручика служит в 894-м Барнаульском пехотном полку, после чего возвращается в Краснодар. Во время пребывания в Краснодаре Деникина работает в кооперации, от призыва в Деникинскую армию ему помогает уклоняться, как укажет он позднее на допросе в ГПУ, удостоверение учителя. 29 июля 1920 г. Епископ Кубанский Сергий (Лавров) рукополагает его во диакона, а 1 сентября того же года — во священника. В г. Темрюке, где отец Михаил тогда служил, он вступает на многолюдном собрании в диспут с безбожниками, который оканчивается победой молодого священника-миссионера, но после этого старшее духовенство советует ему покинуть Кавказ. Он переезжает в Москву и в 1921 г. поступает в Московскую духовную академию, а после закрытия Академии, по свидетельству И. М. Андреевского, продолжает проходить ее курс тайно, в личном общении с преподавателями и профессорами. На дальнейшую пастырскую деятельность молодого пастыря благословляет Святейший Патриарх Тихон, епископ Верейский Иларион (Троицкий) наделяет его правом ведения миссионерской проповеди по всей Московской епархии. В марте 1922 г. отец Михаил назначается третьим священником Преображенской (Петропавловской) церкви на Преображенской площади в Москве[3].

Время пастырского служения священника Михаила Польского в столице пришлось на начало обновленческого раскола. За твердое противостояние расколу и сплочение против него прихожан священника Михаила арестовывают, он получает три года заключения в Соловецком концлагере. Дело, ведшееся против него 6-м отделением Секретной части МГО ГПУ, — одно из ярких свидетельств того, как инспирировала и поддерживала этот раскол советская власть, ставя своей целью уничтожение Православной Церкви на территории советского государства.

Арестован отец Михаил Польский был 16 июля 1923 г., после того, как в ГПУ поступило заявление митрополита Антонина (Грановского), председателя обновленческого Временного Церковного Управления, с жалобой на «враждебную агитацию против ВЦУ и лично против» него, митрополита Антонина, со стороны священника Михаила Польского. На четырех страницах митрополит описывал, как отец Михаил организовал прихожан не принимать участие в богослужении, которое митрополит Антонин намеревался совершить в Преображенском храме, как верующие не дали митрополиту произнести проповедь, из чего лидер обновленцев выводил, что «поп Михаил Польский церковными способами разжигает политические страсти толпы и раздувает вражду против существующе-

[3] ГАРФ. Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 343. Л. 2–3; Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 23об.; Андреевский И. М. Светлой памяти … С. 4; Княгиня Мария Иларионовна. К юбилею о. Михаила Польского // Православная Русь. 1955. № 19. С. 6.

го гражданского порядка». Начальник 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е. А. Тучков положил на жалобе резолюцию: «Этого попа следует срочно арестовать и выслать в Турк. край», — и поручил дело Секретной части МГО, в которой против отца Михаила уже имелся определенный материал: заявление курсанта Сокольнической партийной школы, заведующего ночлежным домом в Орликовом переулке о том, что священник Михаил говорил в храме верующим: «Колесо революции... разобьется о нашу Церковь, а лгуны, которые на фабриках и заводах, как диаволы, шепчут рабочим, чтобы не ходили в церковь, — это есть шипучие гады», а про обновленцев сказал: «Это антихристы и лжепророки, продавшиеся за 30 сребреников»[4].

Но и это было еще не все, чем располагали против священника Михаила Польского органы политической безопасности молодого государства. Вскоре после вышеописанного инцидента с митрополитом Антонином Преображенский храм при помощи советской власти перешел все же под управление обновленцев (несмотря на то, что не менее 70% прихожан были против этого). Настоятель был сменен, остальные же члены причта, за исключением отца Михаила, хотя и не испытывали симпатий к обновленцам и в скором времени перешли на сторону Патриарха Тихона, тем не менее остались тогда служить в храме. При этом отца Михаила они просили воздерживаться от резких заявлений с амвона по поводу обновленцев и безбожности новой власти, поскольку, говорили они, «нас могут за это забрать». Отец же Михаил более служить в этом храме не мог. Тесную связь с прихожанами он продолжал поддерживать, благо жил он в домике, расположенном прямо на храмовой территории[5].

Назначенный обновленческим ВЦУ новый настоятель Преображенского храма протоиерей Т. вскоре вызвал такое неудовольствие прихожан, что их общее собрание 10 июля 1923 г. в количестве не менее 3000 человек постановило удалить последнего из прихода, пригласив на его место отца Михаила Польского. Протоиерей Т. написал в ВЦУ несколько жалоб, прося «в срочном порядке войти в соответствующие правительственные учреждения с серьезным ходатайством о принятии самых энергичных и экстренных мер», что ВЦУ немедленно и исполнило, направив эти жалобы в ГПУ. Отец Т. жаловался, что его притесняют и изгоняют и что за всем этим стоит священник М. Польский. Он же, протоиерей Т., сообщил ГПУ о том, чего оно не знало, как не знал и никто из прихода: что отец Михаил — бывший офицер. Очевидно, это стало ему известно из доверительных

[4] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 1—3об., 16—16об., 34—35об.
[5] Там же. Л. 4—8об., 22об., 23об., 36—37, 40; Анна (Теплякова), мон. Воспоминания. М., 1998. С. 9.

разговоров с отцом Михаилом, поскольку сам отец Михаил считал отца Т. своим другом и очень удивился, когда впоследствии на допросе увидел в своем деле его донос. Реакция ГПУ на жалобы обновленческого священника показательна: Е. А. Тучков не только предписал приобщить эти материалы к делу отца М. Польского, но и дал МГО «срочное задание о принятии мер к охране» настоятеля-обновленца[6].

На допросах отец Михаил держал себя очень достойно. Он не отрицал, что считает действия обновленцев «церковным бандитизмом... потому что они попирают основные канонические законы, с чем помириться положительно невозможно». «Безбожники, где бы таковые ни находились, но если они кощунствуют, надругаются над религией, я мог назвать это бессильным шипением змеи и т.п., — говорил он. — ...Безверие разобьется о колесо церковной истории, я убежден, что безверие не может бороться с верою». О сокрытии своего офицерского звания он сказал, что сделал это только потому, что задался целью служить Церкви, как это было и до его офицерства. В отношении же антисоветской агитации признать себя виновным отец Михаил отказался, поскольку, говорил он, «я не имею права иметь политические убеждения»[7].

В Бутырской тюрьме он провел почти пять месяцев. Здесь было очень трудно, однако это время стало, как писал отец Михаил позже, в духовном плане для него очень важным. «На третьем месяце пребывания в Бутырской тюрьме под следствием, — вспоминал он, — у меня наступил духовный кризис. Следствие затягивалось и могло закончиться самым печальным результатом, ибо статья обвинения грозила мне от трех лет заключения до смертной казни. Первоначальная бодрость пропадала, выветривалась, очень тянуло на свободу, охватывала нестерпимая жалость к близким и милым родным. Сердце делалось готовым на все, чтобы только спастись от уз. Яд малодушия отравлял все существо. Ум тысячи раз проходил особый Голгофский путь, путь к смерти, по этим, так знакомым, коридорам ГПУ, среди холодных давящих стен и неумолимо жестоких, бессердечных, как эти стены, людей, от которых никакими силами вырваться нельзя. Но вот вызывают на допрос, первые же вопросы следователя вызывают в сердце упорство, бодрость, слово независимости и правды. Все снова говоришь заведомо себе во вред, и когда допрос кончается, то чувствуешь снова, что сам выкопал себе яму и ухудшил свое положение. И снова малодушие. И только в эти часы снисходило в душу сознание, что исповедничество есть дар свыше и себе самому ты ничем не обязан. И снисходило глубокое сочувствие всем павшим

[6] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 5—8об., 23об., 30об.—31об.; Польский М., прот. Положение Церкви в советской России: очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. С. 10—11.
[7] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 21—24.

и их понимание и им прощение. И благодаришь Бога за Его великую милость, что стоишь и что не изменил истине»[8].

Миссионерское призвание — то, чему посвятит отец Михаил свою дальнейшую жизнь, — приносило плоды даже в Бутырской тюрьме. В одном из разговоров со следователем на тему веры («Если бы вы знали, какой вы вред причиняете народу религией, то вы ею никогда бы не занимались», — сказал ему следователь) молодому пастырю удалось найти слова, которые поколебали следователя в такой безапелляционной уверенности. «На другом допросе, уже в тюрьме, — вспоминал о. Михаил, — он мне однажды тихонько сказал: „Я сам верующий“ и был весьма снисходителен и дал заключение по моему делу такое мягкое, что ему совершенно не соответствовало жестокое определение ГПУ, давшего мне три года Соловецкого лагеря»[9].

Можно было бы предположить, что отец Михаил здесь преувеличивает: все-таки поколебать антирелигиозные воззрения следователя ОГПУ — дело нешуточное. Однако материалы архивного следственного дела сказанное косвенно подтверждают. Следователь 6-го отделения Секретной части МГПО Думницкий, ведший дело и составлявший по нему обвинительное заключение, действительно, отсылая заключение на санкцию в вышестоящую организацию — 6-е отделение СО ГПУ, — предлагал для отца Михаила мягкое наказание: высылку в одну из северных губерний на 2 года, однако рука более высокого начальства на обвинительном заключении начертала: «В концлагерь на три года». Именно этот приговор и был утвержден Комиссией НКВД по административным высылкам 7 декабря 1923 г.[10]

За неделю до вынесения приговора отца Михаила освободили под подписку о проживании дома и информировании ГПУ о каждой перемене адреса, это недолгое проведенное на свободе время навсегда осталось в его памяти. Он встречался и служил со Святейшим Патриархом Тихоном и в полной мере ощутил любовь церковного народа к мученикам и исповедникам. «Я, маленький священник своего прихода, — писал он, — за полторы недели своей свободы так был обременен излияниями благодарности, любви и всякого почитания, которые спешил мне принести каждый прихожанин, что когда очутился в арестантском вагоне и пересыльных тюрьмах на пути в Соловки, то почувствовал, что отдыхаю, и тяготу тюремную нашел более посильной, чем перенесение незаслуженных по-

[8] Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа под властью безбожников: (доклад Собору Православной Русской Зарубежной Церкви с участием клира и мирян 7/20 августа 1938 г.). Белград, 1938. С. 10–11.
[9] Там же. С. 3–4.
[10] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 60–61, 68–70.

чета и любви… Настроение церковного народа… поддерживало дух, который временами и падал, и соблазнялся, и ослабевал»[11].

Причина краткого освобождения перед отправкой в дальнейшее заключение отцу Михаилу была известна. Когда его освобождали из Бутырской тюрьмы, то предупредили, что дело его решится в течение недели, «и намекнули, — писал он, — что от меня зависит моя дальнейшая судьба. Тем, что я не пошел за эту неделю… к обновленцам, и не поискал их заступничества, но был у Патриарха и даже служил с ним, я и определил себя на годы заключения». Мать отца Михаила послала ему в тюрьму записку, в которой писала, что благословляет его «сидеть в тюрьме и не ослабевать духом, все терпеть и не сдаваться»[12].

Одна из прихожанок Петропавловского храма, близкая к семье священника Михаила Польского, вспоминала, что, прощаясь с супругой Татьяной Васильевной и дочерью Лидией, он сказал: «Лучше бы вас с дочкой Господь к Себе взял. Потому что я уже с вами больше не буду». Он оказался прав. Татьяна Васильевна увидела мужа еще однажды, когда ей удалось выхлопотать пропуск и посетить его в Соловецком лагере, но до освобождения его из лагеря и ссылки ни она, ни мать отца Михаила не дожили. Дочь свою отец Михаил тоже никогда больше уже не увидел[13].

Пребывание священника Михаила Польского в заключении на Соловках описано им в очерке «Соловецкий лагерь. Первые впечатления», книге «Новые мученики Российские» и ряде фрагментов из других произведений, — почти все они (за исключением только повторяющихся мест) помещены в настоящем издании. На Соловках отец Михаил был близок со многими мучениками и исповедниками Русской Церкви, работал он преимущественно в «артели» архиепископа Верейского Илариона (Троицкого), состоявшей из представителей православного духовенства. Архиепископа Илариона отец Михаил особенно почитал, их связывала духовная дружба, хотя воззрения их на то, какой курс должна принять Церковь в отношении государства, во многом различались. Когда в 1926 г. на соборе соловецкого духовенства вырабатывался текст «Обращения православных епископов из Соловецкого лагеря особого назначения к правительству СССР», отец Михаил Польский предложил самый радикальный вариант текста: в нем предлагалось всесторонне обличить государство как гонителя Церкви, а церковный

[11] Там же. Л. 67—67об.; Польский М., прот. Положение Церкви в советской России… С. 5—6, 108.

[12] Там же. С. 12, 13.

[13] Анна (Теплякова), мон. Воспоминания. С. 10—12; Польский М., прот. Положение Церкви в советской России… С. 108. — После смерти матери родственники забрали Лидию в Краснодар. После того, как отец бежал за границу и написал о гонениях на Церковь в Советском Союзе, ей пришлось многое перенести от ОГПУ и НКВД. Ее часто вызывали на допросы, на нервной почве у нее отнялись ноги. В Краснодаре она и умерла. Еще одна дочь отца Михаила, Галина, родилась во время его заключения в Соловецком лагере и умерла маленьким ребенком. — Здесь и далее примеч. авт.

народ благословить «принять невинные страдания свои за веру даже до смерти». Этот вариант собравшимися единодушно был отвергнут, архиепископ Иларион назвал его «энциклопедией церковных вопросов», не дающим ничего нового[14]. Священномучеником Иларионом на Соловках на отца Михаила в 1926 г. были возложены сразу две иерархические награды — камилавка и наперсный крест[15].

Незадолго до окончания соловецкого срока заключения отец Михаил получил новый срок — Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 19 ноября 1926 г. приговорило его к трем годам ссылки в Зырянский край (осуждение произведено было не за какие-нибудь новые преступления, а за прежние, с формулой: «является социально-опасным элементом»). Ссылку он отбывал сначала в г. Усть-Сысольске, затем в деревне Межадор Сысольского уезда. Когда срок ссылки подходил к концу, отец Михаил уже понимал, что, оставаясь верным своим представлениям о взаимоотношениях Церкви и государства, он просто так на свободу не выйдет, а получит какое-нибудь новое наказание. Так и произошло: Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ 5 июля 1929 г. он был лишен на три года права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и в их губерниях, краях и округах, Северо-Кавказском крае, с прикреплением к определенному месту жительства[16].

Однако сообщить ему об этом ОГПУ не успело: за месяц до окончания срока отец Михаил из ссылки бежал. Приехав 5 сентября 1929 г. с разрешения ОГПУ в Усть-Сысольск, он через неделю не явился на положенную регистрацию, после чего был объявлен во всесоюзный розыск. Около 7 месяцев он скитался по России, много общаясь с духовенством и продолжая начатую еще в лагере и ссылке работу по сбору материалов о мучениках и исповедниках веры[17].

В день Благовещения Пресвятой Богородицы, 7 апреля 1930 г., он пересек советско-персидскую границу[18]. Решение о бегстве из России, принятое еще в ссылке, далось ему нелегко. Главной причиной, как сам объяснял он впоследствии, было несогласие с действиями митрополита (впоследствии — Патриарха) Сергия (Страгородского): его Посланием (т.н. «Декларацией») от 16/29 июля 1927 г.

---

[14] Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 29—31. — Принятый на этом Соборе текст «Обращения...» см.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 500—507.

[15] ГАРФ. Ф. Р6349. Оп. 1. Д. 343. Л. 2—3.

[16] Там же. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 71, 73, 77; Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа... С. 2—3, 11; Его же. Положение Церкви в советской России ... С. 107; Список административно-высланных по постановлениям Комиссии НКВД по А/В и особого Совещания при Коллегии ОГПУ, находящихся на территории Коми области, на 1 июля 1928 г. (Архив МВД РК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. Л. 78—106) // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых репрессий. Сыктывкар, 2000. Т. 3. С. 263.

[17] ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 52484. Л. 79; Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа... С. 7—8, 108.

[18] Польский М., прот. О духовном состоянии русского народа... С. 1.

(содержащим слова: «Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи»), указом о поминовении советской власти за богослужением и исключением из поминовения за богослужением имен сосланных и заключенных архиереев, печатными заявлениями об отсутствии в Советском Союзе гонений, согласованием митрополитом Сергием с ОГПУ назначений и удалений архиереев с кафедр[19]. В такой ситуации отец Михаил понимал, что быть пастырем в своем московском приходе ему не удастся, да и вообще возможности пастырской деятельности у него, скорее всего, не будет. Нужно отметить, что во всем весьма широком в тот момент спектре отношений церковной общественности к позиции митрополита Сергия священник М. Польский занимал одну из самых крайних позиций и, как сознавал сам, почти не находил единомышленников. «Я оказывался одиноким, — писал он. — Теряю почти всех старых друзей. Единомышленники есть, но где они? Они, как и я, в одиночестве, мы разбросаны… Я был одинок только в моей обстановке и бежал от нее, как слабейший из моих единомышленников, разбросанных и также одиноких, но оставшихся в России… Я просто спасал душу свою, не жизнь, а душу... Я боялся уступить, пасть, изменить истине, за которую боролся»[20].

Дальнейшее служение отца Михаила Польского проходило уже в качестве клирика Русской Православной Церкви Заграницей. Он служил в Персии, Бейруте, Лондоне, с 1948 г. — в Соединенных Штатах Америки. С 1952 г. до выхода за штат в 1959 г. был старшим соборным протоиереем (протопресвитером) Свято-Скорбященского кафедрального собора г. Сан-Франциско. Везде, где он служил, он запомнился ревностным пастырем-миссионером: приход при нем укреплялся, при храме начинали действовать миссионерские курсы, вестись пастырские беседы, издавался церковный печатный орган[21]. Его перу принадлежат многие миссионерские и духовно-назидательные произведения[22].

Однако наибольшую известность протопресвитеру Михаилу Польскому принесли, помимо уже упоминавшегося труда «Новые мученики Российские»,

---

[19] См.: Акты. 509–513, 521, 682–689.

[20] Польский М., прот. Положение Церкви в советской России… С. 108, 110.

[21] См.: ГАРФ. Ф. Р6349. Оп. 1. Д. 343. Л. 2–3; Андреевский И. М. Светлой памяти… С. 4; Перекрестов П., протоиерей. Соборному приходу в Сан-Франциско 75 лет // Православная Русь. 2003. № 19. С. 6. — В Лондоне о. М. Польский был редактором-издателем журнала Православных миссионерских Свято-Владимирских курсов «На Страже Православия» и редактором периодического сборника «Воскресение Христово», в Сан-Франциско — газеты «Церковность».

[22] См., напр.: Польский М., прот. В защиту православной веры от сектантов. Jordanville, 1950; Его же. Книга Песнь Песней Соломоновых // Православный путь. 1953. С. 84–95; Его же. По поводу одного заговора. Римо-католики и мы // Наше время. Сан-Франциско, 1954. 12–13 марта; Его же. Познание Бога // На Страже Православия. 1939. № 1. С. 1–16; Его же. Теософия и Христианство. Сан-Франциско, 1956; Четвероевангелие. Текст четырех Евангелий, поставленный параллельно в хронологическом порядке / сопоставил текст А. С. Ананьин; ред., предисл. и примечания Протопресвитера М. Польского. Jordanville, 1950, и многие другие статьи в упоминавшихся изданиях «Церковность», «Воскресение Христово», «Православная Русь», а также журнале «День русского ребенка» (Сан-Франциско) и др.

его полемические произведения, направленные против Русской Православной Церкви — Московского Патриархата (уклонившейся, по мнению отца Михаила, от Православия со времени возглавления ее митрополитом Сергием)[23], и его активное участие в юрисдикционном споре между Русской Православной Церковью Заграницей и Православной Церковью в Америке (благодаря его полемическим трудам и защите интересов РПЦЗ в качестве эксперта по каноническому праву на процессе 1948—1949 гг. в Высшем Суде Штата Калифорния этот суд принял сторону РПЦЗ; отец Михаил за заслуги в этом деле был возведен в сан протопресвитера[24]).

В последние десять лет жизни отец Михаил Польский собирал материалы для написания книги, тему которой обозначил: «Система органического православного богословия». Готовил он в этот период к изданию и третий том «Новых мучеников Российских», однако сделать все это уже не успел[25].

До самой смерти он в глубокой тайне хранил у себя часть вещей расстрелянной в 1918 г. в Екатеринбурге и Алапаевске царской семьи, переданных ему в 1948 г. в Лондоне великой княгиней Ксенией Александровной — родной сестрой убиенного последнего российского императора. Отец Михаил был близким другом и духовником великой княгини, передавая ему святыни, она завещала хранить о них молчание до «того времени, когда в России с падением безбожной власти, нашей Святой Церкви можно будет объявить о них». Это время наступило: в 2009 г. личные вещи Царственных страстотерпцев, сохраненные отцом Михаилом, посетили Россию[26].

Сейчас, после состоявшегося в 2007 г. воссоединения Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви Заграницей, полемические произведения протопресвитера Михаила Польского, направленные против Декларации митрополита Сергия, — достояние истории, как стала достоянием истории и сама Декларация. В то сложнейшее время пастыри и миряне — и в России, и за рубежом — мучительно искали и вымаливали у Бога свой правильный ответ на новые вызовы эпохи, пытались понять, как вести себя в новых условиях, параллели которым непросто было найти в церковной истории, даже в гонениях

---

[23] Такие, напр., как: Польский М., прот. Каноническое положение Высшей Церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948; Его же. О духовном состоянии русского народа...; Его же. Положение Церкви в советской России...; Его же. Современное состояние Православной Церкви в СССР. [Б. м.], 1946.

[24] См.: Андреевский И. М. Светлой памяти... С. 4—5; Польский М., прот. Американская митрополия и процесс в Лос-Анжелосе. Джорданвилль, 1949; Решение Высшего Суда по Лос-Анжелосскому делу. [Б. м.], 1949.

[25] Андреевский И. М. Светлой памяти... С. 5, 7.

[26] Княгиня Мария Иларионовна. К юбилею о. Михаила Польского... С. 6; Мироненко С. В., Цуриков В., прот. Из истории уникальных экспонатов, представленных Свято-Троицким мужским монастырем/семинарией (Джорданвилль) // Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век: Каталог выставки. М., 2013. С. 66—85.

древности. Можно ли сказать, что тот ответ, который нашел и отразил в своих произведениях протопресвитер Михаил Польский, оказался абсолютно верным? Едва ли. В его произведениях немало такого, что сейчас, с позиций воссоединения 2007 г., не может быть признано полнотой истины. Так, отец Михаил считал, что «то, что называют по официальному виду Церковью в России, есть блудница», что эта Церковь «отказалась быть мученицей», что слова Апостола Павла: «Всякая власть от Бога» (Ср.: Рим 13. 1–2) — справедливы в отношении любой доселе известной исторической власти, но не в отношении большевиков («Большевики... есть исключение из общего правила»), считал необходимым для русского зарубежья поддерживать войну с СССР. Он признавал, что значительное большинство архиереев и священников в России не стали разрывать канонического общения с митрополитом Сергием, как это сделал отец Михаил, и с легкостью называл оступившимися всех, кто не разделял его точку зрения («Не только все оставшиеся, но и любимые изменили истине!»): оступились, по его мнению, и святой Патриарх Тихон, и священномученик Иларион (Троицкий), и многие другие, почитаемые сегодня единой Русской Церковью в лике святых мучеников[27].

Как относиться сегодня к этим обвинениям? Ответ Церковью найден: через взаимное прощение[28], основанное на осознании того, что действия, которые совершил в области церковного управления митрополит Сергий (даже если с позиции времени станет ясно, что они оказались в чем-то неверными, или даже погрешительными в личном плане), не относятся к деяниям, из-за которых Поместная Церковь отпадает от Тела Христовой Церкви, т.е. лишается благодатности Таинств[29]. Возглавляемая митрополитом (Патриархом) Сергием и последующими иерархами Русская Православная Церковь стала Церковью «большинства мучеников»[30], за годы гонений она не повредила ни одного православного догмата. Когда она получила свободу говорить, то исповедала — на Архиерейском Соборе 2000 г. — то же отношение к светской власти, которое содержала (в условиях свободы) Русская Православная Церковь Заграницей[31].

---

[27] Польский М., прот. Положение Церкви в советской России... С. 5–6, 54–56, 58, 67–74, 103–105, 115.

[28] Молитва, с которой начиналось подписание Акта о каноническом общении в Храме Христа Спасителя 17 мая 2007 г., была покаянной: «Владыко Господи... призри милостивым оком на люди Твоя согрешившия и не соблюдшия воли Твоея... утоли церковныя соблазны и разделения... сотвори, да от всех обид и нестроений избавимся» // URL: http://www.mospat.ru/archive/36258.htm.

[29] См. об этом подробнее, напр.: Мазырин А., иер. Был ли оправдан компромисс митрополита Сергия с советской властью? // Нескучный сад. 2008. № 1. // URL: http://www.nsad.ru/articles/byl-li-opravdan-kompromiss-mitropolita-sergiya-s-sovetskoj-vlastyu.

[30] Струве Н. Соловецкие епископы и Декларация митрополита Сергия 1927 г. // Вестник русского христианского движения. 1988. № 152. С. 211.

[31] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2008. С. 51–68.

«Помянем же отцов наших, живших в годы гонений на Родине и за ее пределами», — сказал Святейший Патриарх Алексий в своем первом слове после подписания Акта о каноническом общении 17 мая 2007 г.[32] Потрудившихся, добавим, каждый в меру своих сил и своего понимания ради защиты Церкви и сохранения ее чистоты. Верим, что протопресвитер Михаил Польский, отдавший этому свою жизнь, возрадовался бы, созерцая торжество восстановления единства горячо любимой им Русской Православной Церкви.

«Истина Божия устоит, — писал отец Михаил в 1953 г., — и народ, претерпевший такое тяжелое испытание, поднимет свет, зажженный в нем святым равноапостольным князем Владимиром, на такую высоту, что он будет светить всему человечеству. Таково избрание Божие, выпавшее на долю России в нападении этого испытания. Она сможет помочь и другим»[33].

[32] Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Храме Христа Спасителя после подписания Акта о каноническом общении, 17 мая 2007 г. // URL: http://www.mospat.ru/archive/36259.htm.
[33] Польский М., прот. Свет Великий // Церковность. 1953. № 7. С. 8.